

А. В. Громова

Рассказ И. А. Новикова «Пчелы причастницы» в контексте литературной и фольклорной традиции

Рассказ Ивана Новикова «Пчелы-причастницы» (1908) рассмотрен в фольклорном, литературном и религиозном контексте. Выявлены мотивы, перекликающиеся с народной и литературной традицией. Установлено, что центральный мотив испытания веры, раскрытый в нескольких аспектах, встречается в произведениях писателей XIX в. и религиозных текстах, которые могли послужить источниками для рассказа Новикова. Так, буквальное понимание религиозной заповеди встречается в повести Лескова «Гора» (будучи заимствованным из древнерусского Пролога), кощунственное поругание причастия – в статье Достоевского «Влас». Образ пчелы как чистого божественного создания характерен для народных представлений. Покаяние грешника перед иконой Божией Матери соотносится с образом Богородицы Нечаянная Радость и присутствует в сочинении Дмитрия Ростовского «Руно орошенное». Обратившись к распространенным в литературе и фольклоре мотивам, Новиков дает им неореалистическую трактовку в духе идей Серебряного века и утверждает не столько ортодоксальные христианские ценности, сколько «религию земли» и «живой жизни».

Ключевые слова: русская литература, Серебряный век, литературная традиция, неореализм, мотив кощунства, мотив испытания веры, символика пчелы.

Благодарности: автор выражает благодарность Российскому государственному архиву литературы и искусства и лично директору О. А. Шашковой за предоставленную возможность ознакомиться с рукописями И. А. Новикова и дополнения к содержанию исследования, А. М. Грачевой, Т. С. Карпачевой и И. Е. Мелентевой за ценные советы.

Для цитирования: Громова А. В. Рассказ И. А. Новикова «Пчелы причастницы» в литературном, фольклорном и религиозном контексте // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 36–50. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_36. EDN: WUXAYJ

Иван Новиков (1877–1959) – русский советский писатель, начавший свой творческий путь на рубеже веков сразу под двумя ведущими влияниями эпохи: реализма и символизма, что обусловило его принадлежность к «новому реализму» Серебряного века. После революции он входил в правление Союза советских писателей, был членом Пушкинской и Тургеневской комиссий, занимался переводами, писал исследования, посвя-

щенные Пушкину, Чехову, Толстому, «Слову о полку Игореве». Из его наследия наиболее известной остается художественно-документальная диалогия «Пушкин в изгнании», а ранние произведения только начинают переиздаваться и изучаться.

Большую роль в изучении и популяризации творчества Новикова сыграли работы литературоведов Я. В. Волкова [2], А. М. Грачевой [3–4], М. В. Михайловой – автора единственной на сегодня монографии о творчестве писателя [16], а также сотрудников Мценской центральной городской библиотеки, поддержавших переиздание произведений писателя, подготовивших его библиографию [11], организовавших содержательные конференции [12; 22]. Несмотря на оживление интереса к Новикову, научный анализ его наследия еще не осуществлен в полной мере, многие рукописи не опубликованы, не определено место писателя в литературном процессе своего времени. Для восполнения данных пробелов актуальным представляется многоаспектное изучение отдельных произведений.

Материалы и методы

В данной статье объектом анализа является рассказ «Пчелы причастницы». Он был написан в 1908 г. и опубликован в журнале «Золотое руно»¹, затем включен в авторский сборник 1912 г..² После революции Новиков не включал этот рассказ в свои сборники, вероятно, из-за мистико-религиозного содержания, актуального для культуры Серебряного века, но противоречившего советской реальности. Рассказ был переиздан профессором М. В. Михайловой лишь в 2004 г. [17, с. 266–280], автограф хранится в РГАЛИ.

В этом произведении автор рисует образ грешника и размышляет о сущности религиозной веры и ее альтернативных формах, в том числе проводя характерную для Серебряного века мысль о величии «живой жизни» и «религии земли». В рассказе присутствуют образы и мотивы, отсылающие к разнообразным литературным и фольклорным претекстам, а поиск и интерпретация этих отсылок позволяет глубже понять авторский замысел и включить произведение Новикова в обширный историко-культурный контекст.

¹ Золотое руно. 1908. № 10. С. 38–45.

² Новиков И. Рассказы: (1905–1912 г.). М.: Кн-во писателей, 1912. С. 9–19.

В статье рассказ «Пчелы причастницы» рассматривается в сопоставлении с литературными, народнопоэтическими и религиозными источниками, в числе которых: повесть-притча Н. С. Лескова «Гора», статья Ф. М. Достоевского «Влас» из «Дневника писателя», древнерусский «Пролог», «Руно Орошенное» свт. Димитрия Ростовского, «Грешников спасение» афонского монаха Агапия Ланда, народные представления и приметы, зафиксированные в этнолингвистическом словаре «Славянские древности»; также упоминаются повесть Л. Н. Толстого «Отец Сергей» и «Рассказ отца Алексея» И. С. Тургенева.

В качестве методов применяются мотивный, контекстуальный и мифопоэтический анализ.

Результаты

Основная тема рассказа «Пчелы причастницы» – искушения пасечника Семена. Изучение творческой истории произведения показывает, что образ центрального героя менялся, но незначительно [6]. В первоначальном наброске он немолодой вдовец, живущий с семьей брата, «односельчане Семена привыкли к нему и обходились с ним запросто», «семья была зажиточная и особых недостатков не терпела. Но Семен думал какую-то свою постоянную хмурую думу, и кажется под старость лет почувствовал он какую-то скрытую страсть к металлу, к деньгам»¹. В окончательном тексте Семен стал бобылем, акцентировалось его одиночество среди людей, которые считали его колдуном, жадность объяснена изначальной бедностью: «Был он беден, угрюм, молчалив и очень завистлив в душе к чужому достатку; не раз по ночам он обдумывал различные планы, из тех, что боятся света дня» [17, с. 267]. Перед нами тип «великого грешника», на что указывает и его внешность (огромный и черный, «как будто нарисованный углем»), и данное людьми прозвание «Черная Кровь».

Сначала Семен отчаянно борется с соблазнами и даже мечтает о «евангельском подвиге» [17, с. 269]. Страсть к деньгам и зависть стали для него первым искушением. Семен услышал в церкви слова: «И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя» [17, с. 267], – и отрубил себе

¹ РГАЛИ. Ф. 343, оп. 4, № 293. Л. 12.

руку. Во время пребывания в больнице Семена ждало другое искушение – страсть к отвергнувшей его фельдшерице Анне Васильевне. Любовь не прошла и через несколько лет, когда Семен отправился к фельдшерице с такими мыслями: «Если бы Бог мне сказал: “позабудь ее”, – я бы скорее Бога оставил, но ее не забыл. Если бы дьявол пришел и сказал, искушая: “вот тебе мир и богатства вселенной, оставь эту девушку” – я ее не оставил бы» [17, с. 270]. Узнав, что Анна Васильевна замужем, Семен окончательно утратил веру: «Теперь знал уже твердо, что Бога нет ни на земле, ни на небе» [17, с. 271].

После любовной неудачи Семен «весь ушел в своих пчел, в свою корысть, в лютую жадность» [17, с. 271], но на пчел напал мор, и тогда он послушал совета прохожего старца, научившего положить в улей церковное причастие. Так Семена настигает очередное искушение, он хочет задать «свой последний вопрос небесам»: принеся во рту святое причастие, не отнести его на пасеку, а кощунственно выплюнуть на пол: «Пусть гром и молния сойдут с небес и поглотят отступника, пусть погибнет он, но Господь проявит в мире Себя. А если не так, <...> то просто раздавят домашние в праздничной супотолоке этот малый кусочек просфоры, над которой читали молитвы, и тем разрешится все и навеки» [17, с. 274].

В данном произведении просматриваются мотивы, восходящие как к фольклорно-мифологическим представлениям, так и к предшествующей литературной традиции.

Мотив буквального толкования религиозных заповедей («И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя») встречается, например, в повести-притче Лескова «Гора: Египетская повесть (по древним преданиям)». Данное произведение было впервые опубликовано в журнале «Живописное обозрение» в 1890 г. (№№ 1–12) с цензурными изменениями, восстановленными писателем в X томе собрания сочинений. В библиотеке Новикова имелось собрание сочинений Лескова издания А. Ф. Маркса 1902–1903 гг. (36 томов приложения к «Ниве»). Неизвестно, обращался ли Новиков к тексту повести в 1908 г., но, как пишет Л. Г. Солодухина, более поздние издания Лескова из библиотеки Новикова хранят множество карандашных помет, что свидетельствует о его повышенном внимании к творчеству писателя-земляка [21, с. 111].

В основу повести Лескова положен сюжет древнерусского Пролога – сборника кратких житий святых, патериковых легенд и назидательных рассказов, расположенных по месяцам и дням года. Пролог сложился в X–XI вв. в Византии и вскоре был переведен на славянские языки. С XII в. в него включали русские жития святых, местные сказания и легенды, апокрифические повести. М. Г. Уртминцева отмечает, что в публицистическом и художественном творчестве Лескова «проложные сюжеты занимали важное место» [23, с. 9].

Сюжет Пролога от 7 октября повествует о торжестве христианской веры над языческой: истинный христианин злотокузнец, лишивший себя глаза, чуть было не соблазнившего его на грех, молитвой спасает единоверцев [19, с. 213–216]. В повести Лескова «Гора» Зенона-художника пытается соблазнить красавица Нефора. Увидев его стойкость в вере, Нефора сама обращается в христианство, и многие единоверцы оказываются спасены благодаря молитве Зенона. Лесков вводит в повествование отсутствующий в сюжете Пролога образ жреца Пеоха, который придумывает, как направить против христиан слово их Бога: сила веры может заставить гору «тронуться с места и броситься в воду» [15, с. 333]. Таким образом, буквальное понимание евангельских истин приписывается идеологу язычества. Христианам в итоге удается сдвинуть гору, но их союзником выступает природа, чем доказывается сила искренней веры и соборной молитвы в противовес начетническому буквализму их врагов. На горе, во время разразившейся грозы, Зенон объясняет Нефоре высший смысл христианства как путь «ко всеобщему счастью», для которого надо верить – то есть «сдвинуть в жизни что тяжелее и крепче горы» [15, с. 381]. «В кульминации повести Лесков представляет его как обладателя нравственной силы, соизмеримой с энергией божественного. Такая интерпретация проложного сюжета, несомненно, не может восходить к житийной традиции» [23, с. 12].

Сходный мотив борьбы с греховным искушением присутствует также в повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей», которая создавалась в 1890–1898 годах. Но она не могла стать источником рассказа Новикова, так как была опубликована только в 1911 г.¹

¹ Толстой Л. Н. Посмертные художественные произведения / под ред. В. Г. Черткова. М., 1911. Т. 2. С. 3–48.

Другой значимый в рассказе Новикова мотив – кощунственного выплевывания причастия – соотносится со статьей «Влас» из «Дневника писателя» Достоевского за 1873 г.¹

В этой статье, ссылаясь на рассказ старца-«советодателя», к которому идут «с раздавленной отчаянием душой» [10, с. 33], автор сообщает историю деревенского парня, который вступил в спор с другими парнями, «кто кого дерзостнее сделает» [10, с. 34]. По наущению своего товарища он сохранил во рту причастие, а затем выстрелил по нему из ружья: «Я поднял руку и наметился. И вот только бы выстрелить, вдруг предо мною как есть крест, а на нем Распятый. Тут я и упал с ружьем в бесчувствии» [10, с. 34]. Это происшествие привело парня к покаянию и желанию искупить свой грех.

Комментаторы указывают на фольклорный источник сюжета, связанный с охотничьими приметами. По народному поверью, святотатственная стрельба в причастие или в крест имеет магическое значение: она помогает охотнику стрелять без промаха [14, с. 397]. Это поверье, услышанное в Харьковской губернии, приведено, например, в книге фольклориста Н. Ф. Сумцова, изданной в 1890 г.²

Центральный герой рассказа Новикова – пасечник, который в народных представлениях воспринимался как «знающий» наряду с охотником, пастухом, мельником, кузнецом. «Становление охотника, во многом аналогичное превращению в колдуна, в поверьях представляет собой акт отречения от христианской веры и кощунственного поругания святынь» [14, с. 600].

В центре статьи Достоевского – два народных характера, один из которых становится искушаемым и хочет «дерзнуть», другой – искусителем, которого автор называет «Мефистофелем»³. У Новикова в роли искусителя выступает не вызывающий доверия прохожий старичок.

Достоевский из отдельного описанного случая делает обобщающие выводы о русском национальном характере,

¹ В собрание сочинений впервые включено в издании: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 14 т. СПб., 1883. Т. X. С. 34–45.

² Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. Киев, 1890. С. 392. Заметим, что Новиков с 1901 по 1908 гг. проживал в Киеве, интересовался славянским фольклором и мог ознакомиться с этим изданием.

³ Достоевский в качестве литературного предшественника «русского Мефистофеля» упоминает кузнеца Еремку в комедии Островского «Не так живи, как хочется». Комментаторы считают, что Достоевский мог учитывать и более раннее литературное воплощение образа «деревенских нигилистов», «переступающих черту» грешников из повести А. А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание» (1831) [10, с. 398]. Сходный сюжетный мотив осквернения причастия использован И. С. Тургеневым в «Рассказе отца Алексея» (1877).

которому свойственны стремление к страданию и саморазрушению, потребность «заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее как ошалелому вниз головой» [10, с. 35], страсть к отрицанию «всей народной святыни» [10, с. 35], стремительно сменяющаяся покаянием и самоспасением. Писателя в этой истории поразила «возможность таких мрачных и сложных ощущений в душе простолюдина», возросшая «почти до сознательной идеи» [10, с. 38]. Почвенник Достоевский видит в подобных «Власах» потенциал русской народной жизни, противостоящий интеллигенции и утверждающий окончание «петровского периода русской истории» [10, с. 41].

На рубеже веков простолюдин стал полноправным героем литературы, а исследование народной души и самосознания – одной из ведущих тем прозы. Новиков включается в этот процесс, хотя поэтика произведения отстоит от привычного реалистического канона с его психологизмом, и на первый план выходит символика и мифопоэтика. В концепциях Достоевского и Новикова можно увидеть и сходство, и различия. Близость обусловлена почвеннической ориентацией писателей, художественно воплощенной в образе земли. Но Достоевский был убежден, что русский человек носит в сердце Христа, у Новикова на первый план выдвигается женственное начало, воплощенное в образе Богоматери.

Кошунственно выплунутое на пол причастие в рассказе Новикова остается нетронутым, а Семену Григорьевичу является видение золотого огонька, спустившегося от иконы Божией Матери и поднявшего с пола святыне Дары. Голос Богоматери вопрошает: «Веришь ли ты, неверный, теперь?», а Младенец протягивает ручку с кровавой ранкой: «И коснулся губами Семен этой Божественной ручки, и приобщился вновь» [17, с. 279].

Данный эпизод повторяет сюжет о грешнике, воплощенный на иконе Божьей Матери «Нечаянная радость» и восходящий к книге Димитрия Ростовского «Руно орошенное». Этот сборник – описание чудес, произошедших при образе Божией Матери в черниговском Свято-Ильинском монастыре в XVII веке. Поскольку каждому чуду от иконы предшествовало ее слезотечение, то святитель Димитрий сравнил их с Божественной росой, которая по молитве праведного

судии Гедеона окропила руно в ветхозаветной книге Судей (Суд. 6–8). В Прилоге к последнему чуду «Роса воскресения» изложен сюжет о некоем «многогрешном человеке», который хотел помолиться образу Пресвятой Богородицы, «собираясь на скверное беззаконие», но увидел, что у Младенца открылись язвы и кровоточат, как на Кресте. Человек в страхе закричал: «О, Госпожа, кто это сотворил?», а Богородица ответила: «Ты и прочие грешники снова распинаете Сына Моего». Грешник просит Владычицу умолить о нем Своего Сына, Богородица трижды обращается к Христу с просьбой помиловать грешника, но Сын трижды отказывается, пока Мать не изъявляет намерение припасть к Его ногам вместе с грешником. Тогда Сын отвечает: «Да будет, как хочешь: ныне прощаются грехи ему Тебя ради. В знамение же прощения пусть лобызает язвы Мои». Коснувшись устами Пречистых язв, грешник начал рыдать и молиться, потому что «видел в ужасном видении благодать Господню, грехи прощающую. И с тех пор исправил он свою жизнь» [20].

Семен в рассказе Новикова слышит голос, неведомо откуда идущий: «Кто в муках неверен был, того верным поставлю над верными, ибо неверен был – в муках» [17, с. 279]. Молясь в слезах, он понимает, что святые Дары остались невредимы под защитой образа Божией Матери. Понимая, что он недостойн причастия, Семен понес их на пасеку, чтобы передать «тварям невинным и чистым», которые вознесут их к небу «в безгрешном сиянии воска» [17, с. 279].

Семен ложится меж ульев в ожидании смерти. И хотя «темные врата преисподней, раскрытые настежь, всю ночь ожидали его, оскорбившего Бога человеческим своим испытанием» [17, с. 280], утром «одна из причастниц спустилась тихо к устам и ужалила мягко мятежные губы черного человека» [17, с. 280]. Пчелы причащают Семена и помогают обрести покой: утром его нашли «с лицом просветленным и тихим и вместо осинового кола воздвигли на могиле его белый березовый крест. И не одна свеча с его пасеки горела чистой, безгрешной молитвою Небу, ибо дано ему было приобщить и природу божественным тайнам Христа» [17, с. 280].

Может показаться, что автор приводит своего героя к христианскому покаянию, но это не совсем так: в основе произ-

ведения лежит другая концепция, определяемая как пантеизм или характерная для Серебряного века «религия земли» [7]. Сквозь повествование проходит идея целостности и самодостаточности природной жизни: «Земля пела, цвела, любила, грустила, и не знала природа в первобытной мудрости своей ни единого томительного противоречия» [17, с. 278], «Природа ждала, как и он, но она не колебалась, не сомневалась совсем» [17, с. 276], и только Семен не чувствует единения с ней: «Бог, разлитый вокруг, не касался его одиноко покинутой в мире души. Был этот огромный и угрюмый человек в тот момент, как черная, окостеневшая заноза, инородное тело в живом и слитном организме природы» [17, с. 273].

Последнее причастие Семен принимает не от священника в церкви, а от пчел. Как отметила М. В. Михайлова, в творчестве Новикова сложилась авторская символика пчел, меда и медовых сот [16, с. 218]. Образ пчелы у писателя наделен мифопоэтической семантикой, восходящей к народным представлениям, которые были восприняты писателем с детства (Новиков вырос в деревне и с ранних лет помогал отцу в саду и на пасеке, а впоследствии окончил Московский сельскохозяйственный институт и служил агрономом [18, с. 27–44]).

В словарях символов выявляется не менее двенадцати значений слова-символа «пчела»: мед, солнце, молния и огонь, душа, верховный бог, смерть и бессмертие, воскресение, любовь, брак, плодородие, в христианстве – труд, порядок и послушание [24, с. 163]. В славянских народных представлениях пчела относилась к полезным и почитаемым насекомым, поскольку она производит мед и воск, в том числе для церковных свечей, «ее воспринимали как чистую, божью тварь, называли божьей угодницей (рус.) <...> Согласно восточнославянским дуалистическим этиологическим легендам, П. обязаны Богу самим своим происхождением, в отличие от шмелей, шершней или ос, которых сотворил дьявол, соперничавший с Богом» [8, с. 366]. Пчела также наделяется женской и богородичной символикой.

Образ пасечника амбивалентен: с одной стороны, пчеловодство имеет «сакральный характер, сближающий его со знахарством и колдовством» [8, с. 369] (односельчане считают Семена колдуном), с другой стороны, почитается как богоугодное занятие. Приношение Семеном святых Даров

пчелам не противоречит народной обрядности: для успешного разведения пчел использовались освященные в церкви предметы: пчел кропили святой водой, окуривали церковной свечой, клали в улей воск пасхальной свечи и т. п. [8, с. 371].

Даже с точки зрения официальной церкви ритуал не представлялся кощунственным. Так, в книге афонского инок Агапия Ланда «Грешников спасение» в главе «Некоторые чудеса Тела Господня» приводится история одной женщины, у которой на пасеке стали гибнуть пчелы. «Она причастилась, выпила Непорочную Кровь, а Божественное Тело удержала в устах и поместила в улей» [5, с. 193]. Через несколько дней заглянув в улей, она увидела, что пчелы построили из воска храм. Она сообщила об этом архиерею, тот «взял храм, как он был, и сохранил его в церкви. Так многие язычники поверили во Христа, пораженные этим прекрасным сооружением бессловесных тварей» [5, с. 193].

Книгу Агапия Ланда можно считать одним из возможных источников рассказа Новикова. Этот афонский монах XVII века был автором множества книг, в том числе книги «Земледелие» (которая могла заинтересовать Новикова как агронома). В книге «Грешников спасение» содержится целый ряд сюжетов, отразившихся в творчестве Новикова: например, глава о девице, вырвавшей глаза ради сохранения девства (перекликающаяся с повестью Лескова «Гора»), «О чаде, преданном матерью при зачатии бесу» (соотносится с сюжетом сказки Новикова «Юда-разбойник»), и, наконец, притча о пчелах, спасенных от мора святым причастием.

По справедливому замечанию М. В. Михайловой, в рассказе «Пчелы причастницы» Новиков разрабатывает новые возможности духовной прозы: «Но, помимо религиозного наполнения, в этом произведении можно уловить и иной смысл: природа откликается на заботу человека о себе, она не безразлична к его усилиям. И то, что с церковной точки зрения расценивается как глубочайший, несомненный грех, может обернуться благом в другой системе ценностей» [17, с. 9].

Эта другая система ценностей отражает процессы мировоззренческого синтеза, характерного для неореализма, заявившего о себе в русской литературе на рубеже XIX–XX веков. Современные исследователи дают ему различные интерпре-

тации, сходясь на том, что это течение сложилось на стыке реализма и модернизма [1, 9, 13]. Новый реализм преодолел отвлеченные символистские теории с их пренебрежением к земному миру, реабилитировав «землю» и «живую жизнь», утверждая «пантеистическое» родство с природой, «ощущение причастности к единству мирового бытия во времени и пространстве» [13, с. 283–284].

Обсуждение и выводы

Иван Новиков в рассказе 1908 года разрабатывает мотивы, неоднократно встречавшиеся в светской и религиозной литературе предшествовавшего периода, в частности, мотив искушений. Под искушениями Новиков понимает не примитивные человеческие соблазны (жадность, зависть, плотскую страсть), а испытание веры, поиски доказательств бытия божия, что оказывается оборотной стороной неверия. Следствием становится буквальное понимание заповедей (отсечение руки или иное членовредительство ради избежания соблазна) и кощунственное осквернение святынь (выплевывание причастия и другие действия по отношению к Святым Дарам).

Выявленные мотивные переклички с произведениями Лескова, Достоевского, Толстого, а также духовной литературой свидетельствуют о глубокой укорененности Новикова в отечественной культурной традиции. Однако наполнение мотивов у писателя иное, поскольку они вбирают представления, характерные для культуры Серебряного века, в частности, «пантеистическое» обожествление природы, земли с ее изначальной целостностью, гармонией и мудростью. Данные идеи выражены, в частности, через образ пчел, соотносимый с народными представлениями.

Мифопоэтический и контекстный анализ одного произведения Новикова позволяет уточнить позицию писателя на данном этапе его творческого развития, отношение к традиции и место в литературном процессе своего времени.

Перспективным представляется дальнейшее расширение контекста новиковского рассказа и рассмотрение его в сопоставлении с произведениями Серебряного века, включающими сходные образы и мотивы (Л. Н. Андреева, И. Ф. Анненского, Ф. К. Сологуба, А. М. Ремизова, С. А. Есенина и др.).

Список литературы

1. Абишева У. К. Неореализм в русской литературе 1900–1910-х годов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – 286 с. EDN: HVKGXR
2. Волков Я. В. Светлый талант: очерк о писателе И. А. Новикове. – Орел: Орлов. кн. изд-во, 1961. – 64 с.
3. Грачева А. М. Новиков Иван Алексеевич // Русские писатели: биографический словарь. 1800–1917 / гл. ред. П. П. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – Т. 4. М–П. – С. 338–341.
4. Грачева А. М. Традиции Л. Н. Толстого в творчестве И. А. Новикова («Между двух зорь») // Русская литература. – 1988. – № 2. – С. 198–206.
5. Грешников Спасение / сост. общедоступ. речью Агапием, иноком Критским, подвизавшимся на святой горе Афон (1641 г.); [пер. с греч. А. Маркова]. – Единец: Единецко-Бричанская епархия, 2003. – 496 с.
6. Громова А. В. Рассказ И. А. Новикова «Пчелы-причастницы»: творческая история, проблематика, мифопоэтика // Творческое наследие И. А. Новикова в XXI веке. Материалы всерос. науч. конф., посвященной 145-летию со дня рождения И. А. Новикова / ред., авт. предисл. А. М. Грачева. – Мценск: [Картуш]; Центр. гор. б-ка им. И. А. Новикова, 2022. – С. 13–21.
7. Громова А. В. Заглавный образ в повести И. А. Новикова «Возлюбленная – Земля» в свете неореалистической эстетики // Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума: сб. трудов к 90-летию Т. Я. Гринфельд-Зингурс. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017 (Серия «Слово и текст в контексте культуры». Вып. 1). – С. 54–62. EDN: ZFWJCL
8. Гура А. В. Пчела. Пчеловодство // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 369–372.
9. Давыдова Т. Т. Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция (Е. Замятин, И. Шмелев, М. Пришвин, А. Платонов, М. Булгаков и др.). – М.: Флинта; Наука, 2005. – 336 с. EDN: QRNRZV
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – Т. 21. – 551 с.
11. И. А. Новиков. Библиографический указатель. [сост. О. А. Приймак]. – Мценск: Центр. гор. б-ка им. И. А. Новикова, 2018. – 264 с.
12. И. А. Новиков в кругу писателей-современников: сб. науч. ст. [Ред. Л. В. Дмитриухина]. – Орел; Мценск: Орловская областная тип. Труд, 2003. – 263 с.
13. Келдыш В. А. Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. – Кн. 1. – С. 259–335.
14. Левкиевская Е. Е. Охотник // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 599–604.
15. Лесков Н. С. Собр. соч. В 11 т. – М.: Гослитиздат, 1958. – Т. 8. – 634 с.
16. Михайлова М. В. И. А. Новиков: грани творчества. – Орел: Издат. дом Орлик; Изд. Александр Воробьев, 2007. – 232 с.
17. Новиков И. А. Золотые кресты: роман, повести и рассказы / авт. предисл. М. В. Михайлова. – Мценск: Мценская центр. гор. б-ка им. И. А. Новикова, 2004. – 444 с.
18. Новиков И. А. Автобиография // Новиков И. А. Собр. соч. В 4 т. – М.: Художественная литература, 1966. – Т. 1. – С. 27–44.
19. Пролог. Избранные тексты. Слово о кузнеце, иже молитвою сотвори воздвигнуться горе и вверещися в Нил реку // Державина О. А. Древняя Русь в русской литературе XIX века. – М.: АН СССР, 1990. – С. 213–216.
20. Руно Орошенное: Беседы и поучения, сост. свт. Димитрием Ростовским. – СПб.: Мирь: Шпиль, 2003. – 232 с.
21. Солодухина Л. Г. Книги писателей-орловцев в библиотеке И. А. Новикова // Орловский текст российской словесности. Творчество И. А. Новикова. – Мценск: Мценская центр. гор. б-ка им. И. А. Новикова, 2013. – С. 107–111.

22. Творчество И. А. Новикова в контексте русской литературы XX века. Материалы всерос. науч. конф. к 130-летию со дня рождения И. А. Новикова / ред. О. В. Вологина. – Мценск: Центр. б-ка им. И. А. Новикова, 2007. – 144 с.

23. Уртминцева М. Г. Древнерусский Пролог в художественном сознании Н. С. Лескова // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2013. – № 3. – С. 7–13. EDN: REVDNB

24. Якушевич И. В. Семантико-семиотическая модель слова-символа «пчела» // Филологический сборник: в честь юбилея профессора Л. И. Осиповой. – М.: МГПУ, 2015. – С. 161–172. EDN: XGNUJN

Alla Gromova

I. A. Novikov's Short Story "The Bees of Communion" in the Context of Literary and Folklore Tradition

Ivan Novikov's short story *The Bees of Communion* (1908) is considered in the folklore, literary and religious context. The author reveals motifs that echo folk and literary traditions. It is established that the central motif of testing faith, revealed in several aspects, is found in the works of 19th century writers and religious texts that could have served as sources for Novikov's short story. For example, a literal understanding of the religious commandment is found in Leskov's story *The Mountain* (borrowed from the Old Russian Prologue), and a blasphemous desecration of communion is found in Dostoevsky's article *Vlas*. The image of a bee as a pure, divine creature is characteristic of folk beliefs. The repentance of a sinner before the icon of the Mother of God is associated with the image of the Mother of God Unexpected Joy and is present in the work of Dmitry Rostovsky *The Dewy Fleece*. Turning to motifs common in literature and folklore, Novikov gives them a neorealistic interpretation according to the ideas of the Silver Age and asserts not so much orthodox Christian values as the "religion of the earth" and "living life".

Key words: Russian literature, Silver Age, literary tradition, neorealism, blasphemy motif, faith test motif, bee symbolism.

Acknowledgments: The author expresses gratitude to the Russian State Archive of Literature and Art and personally to the director O. A. Shashkova for the opportunity to read the manuscripts of I. A. Novikov and the additions to the content of the study, to A. M. Grachev, T. S. Karpachev and I. E. Melentyev for valuable advice, as well as to the reviewers of the article.

For citation: Gromova, A. V. (2025) Rasskaz I. A. Novikova «Pchely` prichastnicy» v literaturnom, folklornom i religioznom kontekste [I. A. Novikov's Short Story "The Bees of Communion" in a Literary, Folklore and Religious Context]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 36–50. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_1_36. EDN: WUXAYJ

References

1. Abisheva, U. K. (2005) *Neorealizm v russkoj literature 1900–1910-h godov* [Neorealism in Russian Literature of 1900–1910s]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian). EDN: HVGXRX

2. Volkov, Ja. V. (1961) *Svetlyj talant: ocherk o pisatele I. A. Novikove* [Bright talent. Essays about the writer I. A. Novikov]. Orel: Orlov. kn. izd-vo. (In Russian).

3. Grachjova, A. M. (1999) Novikov Ivan Alekseevich [Novikov Ivan Alekseevich]. *Russkie pisateli: biogr. slov.1800–1917*. gl. red. P. P. Nikolaev [Russian Writers: biographical dictionary. 1800–1917. P. P. Nikolaev (ed.)]. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija Publ. Vol. 4. Pp. 338–341. (In Russian).

4. Grachjova, A. M. (1988) Tradicii L. N. Tolstogo v tvorchestve I. A. Novikova («Mezhdu dvuh zor») [L. N. Tolstoy's traditions in the works of I. A. Novikov («Between two dawns»)]. *Russkaja literatura – Russian Literature*. No. 2. Pp. 198–206. (In Russian).

5. Greshnikov *Spasenie. Sostavleno obshhedostupnoj rech'ju Agapiem, inokom Kritskim, podvizavshimsja na svjatoj gore Afon (1641 g.)* (2003) [Salvation of Sinners. Compiled by simplified language by Agapius, a monk of Crete, who lived on the holy Mount Athos (1641)]. Edinec: Edinecko-Brichanskaja eparhija. (In Russian).

6. Gromova, A. V. (2022) *Rasskaz I. A. Novikova «Pcholy-prichastnicy»: tvorcheskaja istorija, problematika, mifopojetika* [I. A. Novikov's short story «The Bees of Communion»: creative history, problems, mythopoetics]. *Tvorcheskoe nasledie I. A. Novikova v XXI veke. Materialy vseros. nauch. konf., posvyashchen. 145-letiju so dnya rozhdeniya I. A. Novikova* [I. A. Novikov's creative legacy in the 21st century. Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 145th anniversary of the birth of I. A. Novikov. Mcensk: [Kartush]; Centr. gor. b-ka im. I. A. Novikova. Pp. 13–21. (In Russian).

7. Gromova, A. V. (2017) *Zaglavnyj obraz v povesti I. A. Novikova «Vozljublennaja – Zemlja» v svete neorealistscheskoj jestetiki* [The title image in I. A. Novikov's story «Beloved – Earth» in the light of neorealist aesthetics]. *Chelovek v srede obitaniya: prostranstvo prirody, prostranstvo sociuma* [Man in his habitat: the space of nature, the space of society. Collection of works for the 90th anniversary of T. Ya. Grinfeld-Zingurs]. Seriya «Slovo i tekst v kontekste kul'tury». Vyp. 1. [Series "Word and Text in the Context of Culture". Issue 1]. Syktyvkar: Syktyvkar State University Pitirima Sorokina Publ. Pp. 54–62. (In Russian). EDN: ZFWJCL

8. Gura, A. V. (2009) *Pchela. Pchelovodstvo* [Bee. Beekeeping]. *Slavjanskije drevnosti* [N. I. Tolstoy (ed.) Slavic Antiquities]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. Vol. 4. Pp. 369–372. (In Russian).

9. Davydova, T. T. (2005) *Russkij neorealizm: ideologija, pojetika, tvorcheskaja jevoljucija* (E. Zamjatin, I. Shmelev, M. Prishvin, A. Platonov, M. Bulgakov i dr.) [Russian Neorealism: Ideology, Poetics, Creative Evolution (E. Zamjatin, I. Shmelyov, M. Prishvin, A. Platonov, M. Bulgakov etc.)]. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russian). EDN: QRNRZV

10. Dostoevskij, F. M. (1980) *Polnoe sobranie sochinenij*. 1–30 vols. [Collected works. 1–30 vols.] Bazanov V. G. (ed.) Vol. 21. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

11. Priimak, O. A. (comp.) (2018) *I. A. Novikov. Bibliograficheskij ukazatel'* [I. A. Novikov. Bibliographic index]. Mcensk: Centr. gor. b-ka im. I. A. Novikova. (In Russian).

12. Dmitrijuhina, L. V. (ed.) (2003) *I. A. Novikov v krugu pisatelej-sovremennikov* [Novikov in the circle of contemporary writers]. Orjol; Mcensk: Orlovskaja oblastnaja tip. Trud. (In Russian).

13. Keldysh, V. A. (2001) *Realizm i neorealizm* [Realism and neorealism]. *Russkaja literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-h godov)* [Russian literature at the turn of the century (1890s – early 1920s)]. Moscow: IMLI RAN, Nasledie Publ. Vol. 1. Pp. 259–335. (In Russian).

14. Levkieskaja, E. E. (2004) *Ohotnik* [Hunter]. *Slavjanskije drevnosti* [N. I. Tolstoy (ed.) Slavic Antiquities]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 3. Pp. 599–604. (In Russian).

15. Leskov, N. S. (1958) *Sobranie sochinenij*. 1–11 vols. [Collected works. 1–11 vols.] Vol. 8. Moscow: Goslitizdat Publ. (In Russian).

16. Mihajlova, M. V. (2007) *I. A. Novikov: grani tvorchestva* [I. A. Novikov: facets of creativity]. Orel: Izdat. dom Orlik; Izd. Aleksandr Vorob'jov. (In Russian).

17. Novikov, I. A. (2004) *Zolotyje kresty: roman, povesti i rasskazy* [Golden crosses: novel, stories and short stories] Avt. predisl. M. V. Mihajlova. Mcensk: Mcenskaja centr. gor. b-ka im. I. A. Novikova. (In Russian).

18. Novikov, I. A. (1966) *Avtobiografija* [Autobiography]. *Sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ. Pp. 27–44. (In Russian).

19. Derzhavina, O. A. (1990) (ed.) *Prolog. Izbrannye teksty Slovo o kuznece, izhe molitvoju sotvori vozdvignutisja gore i vovreshhisja v Nil reku* [Prologue. Selected texts. The word about the blacksmith who by prayer made a mountain rise up and fall into the Nile River]. *Drevnaja Rus' v russkoj literature XIX veka* [Drevnyaya Rus' v russkoj literature XIX veka]. Moscow: AN SSSR Publ. Pp. 213–216. (In Russian).

20. Rostovskij, D. (2003) *Runo Oroshennoe. Besedy i poucheniya* [Dewy Fleece. Conversations and Teachings]. St. Petersburg: Mir: Shpil' Publ. (In Russian).

21. Soloduhina, L. G. (2013) *Knigi pisatelej-orlovcev v biblioteke I. A. Novikova* [Books by Oryol writers in the I. A. Novikov's library]. *Orlovskij tekst rossijskoj slovesnosti. Tvorchestvo I. A. Novikova* [Orlovskij tekst rossijskoj slovesnosti. Tvorchestvo I. A. Novikova]. Mcensk: Mcenskaja centr. gor. b-ka im. I. A. Novikova. Pp. 107–111. (In Russian).

22. Vologina, O. V. (2007) (ed.) *Tvorchestvo I. A. Novikova v kontekste russkoj literatury XX veka* [The works of I. A. Novikov in the context of Russian literature of the 20th century]. *Materialy vseros. nauch. konf. k 130-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Novikova* [Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 130th anniversary of I. A. Novikov's birth. Mcensk: Centr. b-ka im. I. A. Novikova. (In Russian).

23. Urtminceva, M. G. (2013) *Drevnerusskij Prolog v hudozhestvennom soznanii N. S. Leskova* [Old Russian Prologue in the Artistic Consciousness of N. S. Leskov]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 7–13. (In Russian). EDN: REVDBN

24. Jakushevich, I. V. (2015) *Semantiko-semioticheskaja model' slova-simvola «pchela»* [Semantic-semiotic model of the word-symbol “bee”]. *Filologicheskij sbornik: v chest' jubileja professora L. I. Osipovoj* [Philological collection: in honor of the anniversary of professor L. I. Osipova]. Moscow: Moscow City University Publ. Pp. 161–172. (In Russian). EDN: XGNUJN

Об авторе

Громова Алла Витальевна, профессор, Московский городской педагогический университет, доктор филологических наук, профессор (Москва, Российская Федерация); e-mail: gromovaav@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-8420-7567

About the Author

Alla Gromova, Professor, Moscow City University, Doctor of Philology, full professor (Russian Federation, Moscow); e-mail: gromovaav@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-8420-7567

дата получения: 12.01.2025 г.
дата принятия: 28.02.2025 г.
дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 12 January 2025
date of acceptance: 28 February 2025
date of publication: 27 March 2025